

АГЕНОСОВ Владимир Вениаминович (Россия, Москва)
— заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор Института международного права
и экономики им. А. С. Грибоедова (Москва);
Пекинский университет иностранных языков (Китай)

ВОЙНА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ ДИ-ПИ И ВТОРОЙ ЭМИГРАЦИИ

В преддверии 70-летия Победы чрезвычайно интересно изучить восприятие войны русскими эмигрантами. И теми, кто из послереволюционной эмиграции оказался к 1945 г. без гражданства, и — особенно — теми, кто в силу тех или иных обстоятельств оказался в немецком плену или даже был в составе РОА.

Наиболее полное представление об отражении темы войны дают прозаические произведения, в том числе романы. Их было немного. В 1949 г. в журнале «Грани» вышла повесть Леонида Ржевского «Девушка из бункера» (весьма положительно оцененная столь взыскательным критиком, как И. А. Бунин). Позднее автор, дополнив ее эпическим описанием драматических военных событий, создал роман и дал ему новое название — «Между двух звезд»¹. Как всегда у Ржевского, конфликт переходит в любовную сферу, а социально-нравственная проблема выбора между неприятием советского строя и русским патриотизмом остается неразрешенной.

С 1954 по 1959 гг. в журнале «Возрождение» публикуются романы Бориса Ширяева «Последний барин», «Ванька Вьюга», «Овечья лужа», «Кудеяров дуб», «Хорунжий Вакуленко», составившие единый цикл «Птань». Начав повествование с дореволюционной жизни казаков юга России, писатель довел его до событий Второй мировой войны. Герои романа (и умудренные опытом жизни, и молодежь)

¹ Роман Л. Ржевского проанализирован мною в работе: Агеносов В. В. Война в творчестве русских писателей второй эмиграции (роман Леонида Ржевского «Между двух звезд») // Филологический журнал (Южно-Сахалинск) / сост. Г. Д. Ушакова. 2001. Вып. X. С. 35–142.

пытаются создать исключительно национальное движение, равно противостоящее как сталинизму, так и фашизму. И хотя автор показывает утопичность этих планов, он отдает дань уважения людям, пошедшим ради идеи на верную гибель².

Путь потомственного революционера Марка Сурова от большевистской убежденности в праве пользоваться насилием во имя коммунизма к сомнениям, тот ли коммунизм строится, показан в романе Михаила Соловьева «Когда Боги Молчат»³. Совершая героические подвиги во время Отечественной войны, Марк замечает, что народ ждет не только изгнания оккупантов, но и возвращения к общечеловеческим ценностям. Картины народной жизни, яркие портреты многочисленных персонажей чередуются с превосходно выписанными пейзажами, с авторскими лирическими отступлениями и философскими рассуждениями героев⁴.

Особое место в этом ряду занимает тетралогия Юрия Слепухина «Перекресток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почетно» (1985), «Ничего кроме надежды» (2000), с одной стороны, бесспорно перекликающаяся с прозой писателей второй эмиграции, с другой — так же бесспорно развивающая (а порой и предвосхищающая) тенденции изображения войны, присущие прозе В. Гроссмана, В. Быкова, К. Воробьева⁵.

Задуманный еще в эмиграции лучший, на мой взгляд, роман тетралогии «Тьма в полдень» дает широкую картину жизни русской и украинской молодежи в условиях оккупации и на фронте. Особый

² Эпический цикл Б. Ширяева «Птань» частично освещен в моей книге: *Агеносов В. В. Литература Русского зарубежья* (М., 1998. С. 407–409).

³ См.: *Соловьев М. Когда Боги Молчат*. Нью-Йорк, 1953.

⁴ Подробный анализ романа содержится в книге М. Бабичевой «Писатели второй волны русской эмиграции. Биобиблиографические очерки» (М.: Пашков Дом, 2005. С. 245–266).

⁵ Подробный анализ тетралогии содержится в ст.: *Бабичева М. Е.* 1) Война и мир XX столетия: тетралогия Ю. Г. Слепухина: романы «Перекресток» (1962), «Тьма в полдень» (1968), «Сладостно и почетно» (1985), «Ничего кроме надежды» (2000) // Юрий Слепухин: XX век. Судьба. Творчество: сб. ст. и материалов. СПб: Фонд Слепухина; ООО ИПП «Ладога», 2012. С. 252–272; 2) Судьба остарбайтеров в тетралогии Ю. Слепухина о Второй мировой войне // Там же. С. 272–283.

интерес представляет сравнение романа с первой романтической редакцией «Молодой гвардии» А. Фадеева. Ю. Слепухин дал гораздо более глубокую, многогранную и реалистичную картину деятельности молодежного подполья.

Однако, обращение к романистике — тема не конференции, а большого академического исследования.

Поэтому материалом для этой статьи явились произведения поэзии и малых жанров прозы 41 писателя, вошедших в мою «Антологию писателей Ди-Пи и второй эмиграции»⁶.

Следует сразу сказать, что тема эта не являлась для второй эмиграции ведущей. Лишь 15 авторов из 41 уделили ей свое внимание. Ссылки на романы используются исключительно как контекст наблюдений.

Можно выделить несколько тем и аспектов подхода к изображению войны, порой перекликающихся друг с другом, реже — полемизирующих.

Первое, что бросается в глаза и кажется даже неожиданным для не принимавших советскую власть эмигрантов, — полное отсутствие негативного отношения к русскому солдату, что, впрочем, не исключало отображения теневых сторон поведения советских бойцов.

Это особенно ярко проявилось в решении темы «эмигрант-белогвардеец и солдаты Советской армии». Так, в рассказе одного из самых активных членов НТС Геннадия Андреева [Хомякова] (1904–1984) «При взятии Берлина» (1954) бывший капитан царской армии, а потом шофер берлинского такси Борис Васильевич Обухов укоряет мародерствующих советских солдат, тем самым выдавая себя как русского эмигранта. Вызванный из бомбоубежища, он ожидает расстрела, видит гибель русских воинов от немецких пуль и с винтовкой в руках ведет солдат на штурм дома, где засели фашисты. После завершения операции, пишет Андреев, «Борис Васильевич чувствовал себя усталым... Но усталость была приятной, освежающей, и схватка — часть превращения. В ней он еще раз увидел, что он среди своих. Сколько у солдат ловкости, смелости, но и умения, осторожности!

⁶ См.: Агеносов В. Восставшие из небытия: антол. писателей Ди-Пи и второй эмиграции. М.: АИРО, 2014.

Как просто они шли в бой, этот последний для них бой, которым они были разгорячены до опьянения, и не жалели себя, не страшились смерти, но и как они были ловки и умелы! Такими же были его солдаты тридцать лет назад, таким же был и он сам. И Борис Васильевич чувствовал, что будто бы нашел завершение своим тяжелым многолетним думам, оправдание своей доселе безответной любви»⁷.

Совершенно иначе рисует финал подобной встречи участника Белого движения с чекистом князь Николай Кудашев в стихотворении «Этаких мы ищем!» (1946). Гордый русский эмигрант не захотел назвать себя сербом:

— «Я русский офицер!» — раздалось в тишине.
«Ага! Ты русский! Этаких мы ищем!»

Финал этого признания драматичен:

Казалось людям — время не идет...
Гремели выстрелы, работали приклады...
Пропавших без вести за сорок пятый год
Ни забывать... ни ожидать не надо!⁸

Еще один образец изображения русского национального характера являет собой рассказ поэта, прозаика, мемуариста, публициста, артиста-песенника Родиона Березова (Акульшина, 1896–1988) «Закон сердца» (1953). Главный герой его, советский офицер Николай Кораблев, потерявший в войну всю семью, дает себе зарок: «Убью первого живого человека на немецкой земле, кто бы он ни был! Пусть девушка, пусть старуха, — все равно! Немцы убивали наших родных матерей и жен... Какое мы имеем право на милосердие?» Первым встреченным им в Германии человеком оказывается немецкий мальчишка Иоганнес–Иван. «Как же я тебя убью? — думает Николай. — Не подымается рука... Двухлетний накал — впустую... Ну, ничего, может быть это даже к лучшему... Есть хочешь?... Вот тебе сухари, копченая колбаса, шоколад...

Подбежали красноармейцы.

—Товарищ командир! Это что же значит? Хотели убить, а вместо этого отдали весь неприкосновенный запас?

⁷ Там же. С. 93.

⁸ Там же. С. 364.

— Мало ли чего болтает язык? ... У сердца свои законы и приказы ...»⁹

В романе Леонида Ржевского (Суражевского, 1903?1905—1986) «Между двух звезд» (1953), где главные персонажи в той или иной степени сотрудничают с немцами, они, тем не менее, говорят о боях Красной Армии и ее продвижении «наши». А в другой свой роман («Показавшему нам свет...», 1960) писатель вставляет не имевшую прямого отношения к сюжету главу об умирающем в немецком госпитале русском солдате, в недавнем прошлом колхознике-печнике Селезневе, который «каждое утро, во время обхода, умоляет главного врача отправить его на родину: “Доеду, не сомневайтесь... Домой и хромя лошадь здоровей бежит” ... »¹⁰.

Такого же простого русского человека, «белесого и курносого», «слегка мечтательного, слегка ленивого», «чем-то на Есенина похожего», пишущего наивные стихи, рисует сам прошедший немецкие концлагеря ди-пиец Александр Неймирок (1911–1973). Персонаж его стихотворения «Он был откуда-то из-под Орла» живет мыслями

... не здесь, в концлагере, а там,
Где нынче, почитай, скирды убрали
И благодать полазить по садам.

В финале стихотворения говорится:

Однажды, лежа со своей печалью
На утлой койке, как ненужный хлам,
Он умер...¹¹

Если русский национальный характер орловского парня поэт связывает с сельскими образами, то в стихотворении «Берлин 1942» русскость самого лирического героя-интеллигента передана его отношением к немецкой культуре. Автор, нарочито не упоминая в нем о фашистах, называет истинные ценности величественного Берлина: Бранденбургские ворота; кирхи, чьи колокольни пронзают облака; тень Гегеля. И даже «полицейский здесь, — не полицейский, /А философски зримый Абсолют». И всё же, утверждает А. Неймирок:

⁹ Там же. С. 139.

¹⁰ Там же. С. 528.

¹¹ Там же. С. 484–485.

...логике пудовой непокорный,
Я об иной мечтаю с т о р о н е ...
С душой многоголосую и вздорной
Куда бежать и где сокрыться мне?¹²

Значительный интерес представляет рассказ Б. Ширяева «Я — человек русский» из сборника под таким же названием¹³. Формально он к военной теме имеет косвенное отношение: повествователь рассказывает о некоем никогда не унывающим артисте-эмигранте, попавшем в Германию по недоразумению (не зная языка, он согласился, что является фольксдойче). Он, по его словам, так и не выучил немецкий: «На какого это черта? Я — человек русский и всех немцев там русским песням выучил. Куда ихним Бетховенам со своими «Лили Марлен» до нас! Как выйду на эстраду, весь зал орет: “Тройка! Тройка!” Это я их “Тайда тройке” и “Тройка мчится” обучил — их с глухими бубенцами исполняю, а вся солдатня подпевает. Вот как!»¹⁴ Не пропал он и после окончания войны: сбежал со всей семьей из ди-пийского лагеря. Оказался в Неаполе, поет русские песни («портовая матросня во как меня встречает — мировой успех!»), а на предложение ехать в Америку отвечает: «На черта мне этот океан с его Америкой? Зато здесь я человек русский, хоть на плакат меня ставь...»

Тема русского человека на чужбине и его духовная связь с родной объединяет как писателей первой волны, не получивших гражданства других стран и ставших ди-пийцами, так и авторов, оказавшихся вне России только в годы войны, считающих себя лицами без гражданства.

А вот восприятие военных событий и оценка XX столетия у писателей, казалось бы, одной судьбы, значительно отличается. Для эмигрантов первой волны ужасы мировой войны стали обозначением конца света, богооставленности человечества.

¹² Там же. С. 481.

¹³ См.: Ширяев Б. Я — человек русский. Буэнос-Айрес, 1953.

¹⁴ Агеносов В. Восставшие из небытия... С. 684.

Наиболее подробно рассказавший о сжигаемых в фашистских концлагерях «костлявых трупах, исчезающих в черном дыме», об угнанных в Германию русских («Вон тусклой вереницей / Бредут, о хлебе тихо говорят./ Их тоже помню. В валенках, босые... /По улицам Берлина шла Россия» — «Октавы») Александр Неймирок утверждает:

Я побывал в преддверь преисподней.
Я видел смерть, и смерть меня отвергла.
Но память жгучая не стерлась, не померкла.
Я помню всё. Мне дышится свободней,
Но не избыть немилости Господней.

И хотя некая надежда теплится в лирическом герое, общий пафос стихотворения пессимистичен:

Но в теле вновь живая кровь струится,
И снова мир картонной панорамой,
Нелепо склеенный, передо мной теснится,
И падает душа замерзшей птицей
На прах и щебень городского хлама¹⁵.

Интересно сопоставить описание налетов авиации у юной Агнии Шишковой и поэтессы первой волны Лидии Алексеевой. Шишкова увлечена внешним рисунком налета авиации. Ее текст пронизан метафорами и организован звукописью:

Прожектор нацепил на палец облака
(Чтобы видней была пропеллеру дорога),
Гудок завыл издалека:
— Трево - о - га ...

.....

И вот уж небосклон из края в край
Проштопали светящиеся нитки,
Отчаянно затыкали зенитки:
— Дай, дай, дай, дай!

¹⁵ Там же. С. 481–482.

И, словно рассердясь, что смята тишина,
Что встречен огненной порошей,
Швыряет он во мрак губительною ношей:
— Дер - ж - ж - и... Нн - а ! !

(Налет)¹⁶

У Алексеевой переданы бытовые подробности и детали:

Ударом срезана стена —
И дом торчит открытой сценой...
Отбой... Но лестница назад —
Лежит внизу кирпичной грудой,
И строго воспрещен возврат
Наверх, в ушедшее, отсюда.

(После налета)

Старый кот с отрубленным хвостом,
С рваным ухом, сажей перемазан,
Возвратился в свой разбитый дом,
Посветил во мрак зеленым глазом.

И, спустясь в продавленный подвал,
Из которого ушли и мыши,
Он сидел и недоумевал,
И на зов прохожего не вышел...

(Старый кот с отрубленным хвостом...)

Однако самое главное в стихах Алексеевой — переход бытовых деталей в философские обобщения. В первом стихотворении:

Мне не войти туда, как встарь,
И не поправить коврик смятый,
Не посмотреть на календарь
С *остановившеюся датой*...
...В сору стекла, цемента, пыли,
Квадратный детский башмачок,
Который ангелы забыли...

¹⁶ Там же. С. 699–700

Во втором:

Кот свернулся, вольный и надменный,
 Доживать звериную тоску,
 Ждать конца — и не *принять* измены.

Выделенные слова перерастают свой прямой смысл и выражают мысль поэтессы об остановке истории. Несколько позже в стихотворении, не имеющем отношения к военной теме, поэтесса скажет об этом прямо:

В наш стройный мир, в его чудесный лад,
 Мы принесли разбой, пожар и яд.
 И ширится земных пожарищ дым,
 Обуглен сук, где всё еще сидим...
 Прости нам, Боже! — Хоть
 нельзя простить¹⁷.

Нечто похожее присутствует в стихотворении еще одного дипица первой эмиграции — Александра Перфильева с характерным названием «Бессмыслица»:

Я начал жить в бессмыслицу войны,
 Едва лишь возмужал, расправил плечи.
 Как будто для того мы рождены,
 Чтобы себя и всех кругом калечить!

 Вслед за войной война другая шла...
 Жизнь кончилась. Бессмыслица осталась¹⁸.

Рассмотрение проанализированных стихотворений в контексте дальнейшего творчества писателей старшего поколения показывает, что от этого трагического мировосприятия они не уйдут никогда. Некоторое исключение представляет творчество Л. Алексеевой, нашедшей примирение с трагической действительностью в единении с природой.

¹⁷ Там же. С. 70–73, 78.

¹⁸ Там же. С. 500–501.

А вот молодежь послевоенной эмиграции, начав с того же пессимистического взгляда на бытие, постепенно излечивается от ужасов войны.

Это характерно и для Евгении Димер (род. 1925), не только связавшей «Вагон на свалке» с конкретными событиями: «Евреев вез ты в Аушвиц...»; «тащил снаряды из Берлина»; вез «из Киева рабов, картины, / и мебель доставлял назад», а позже — в «дальний путь / В Сибирь, в Москву на эшафот» «людей из немецких лагерей», но увидевшей в этом вагоне символ жизни:

Ты говоришь нам, что напрасно
Прошел наш век, и кровь лилась,
Вагон товарный, грязно-красный,
Где не понять, где кровь, где — грязь.

Однако в стихах последних лет поэтесса использует совершенно другую метафору: «Жизнь — песня. Она то грустна, то беспечна»¹⁹.

В еще большей степени подобная метаморфоза произошла с Иваном Буркиным. Сразу после войны бытие русского человека представляется поэту как «Лагерь военнопленных 1941»:

На белом свете побывали,
Все в общей яме, все Иваны...²⁰

Однако позднее творчество Буркина – каскад жизнерадостных стихов, эксперимент (то веселый, то философский) с формой, о чем говорят и названия его сборников²¹.

Наиболее сложно сочетаются апокалиптические картины со строками надежды в произведениях 40-х гг. И. Елагина. С одной

¹⁹ Там же. С. 255–256, 262.

²⁰ Там же. С. 192.

²¹ См.: Буркин И. 1) Заведую словами. Филадельфия, 1978; 2) 13-ый подвиг. Филадельфия, 1978; 3) Голубое с голубым. Филадельфия, 1980; 4) Луна над Сан-Франциско. СПб., 1992; 5) Путешествие поэта на край абсолютного сна. СПб., 1995; 6) Не бойся зеркала. Донецк, 2005; 7) Берег очарованный: стихи. М., 2006; 8) Здравствуй, вечер! СПб., 2006; и др.

стороны, XX столетие воспринимается поэтом как трагическое, «выжженное гневом Божьим»:

Бомбы истошный крик —
 Аэродром в щебень!
 Подъемного крана клык —
 на привокзальном небе —

Ты, мое столетие!

.....
 Поле в рубцах дорог:
 Танки прошли по полю.
 Запертое в острог,
 Рвущееся на волю —

Ты, мое столетие!

Конец войны у Елагина связан с тем, что

Уже последний пехотинец пал,
 Последний летчик выбросился в море,
 И на путях дымятся груды шпал,
 И проволока вянет на заборе.

Тем не менее, не только «проволока вянет на заборе», а «мост упал на колени», но и «становятся дома на костыли», «города залечивают раны» — словом, земля «очнулась». А в позднем творчестве поэта присутствуют совершенно другие настроения: «Здесь чудо всё: и люди, и земля...», «мне теперь от красоты не спится,/ Как не спалось когда-то от тоски»²².

Можно заметить, что отмеченная еще Достоевским черта русского национального характера никогда не доходить до вершины неверия проявляется в творчестве многих писателей послевоенной эмиграции, особенно христиански настроенных. Так, Родион Березов уже в 1949 году пишет (курсив мой. — В. А.):

²² Там же. С. 276

В войну, когда нас посылали в бой,
Веления Творца позабывая,
Как и всегда над нашей головой —
То звезды, то лазурь небес без края...

Где б ни был я, с какими бы людьми
Судьба меня в скитаньях ни сводила,
Я слышу глас неведомый: «Вонми,
Тебя ведет Божественная сила!»
*(Чужие страны, люди, города...)*²³

Одно из немногих (если не единственное) найденных мною стихотворений о солдате на войне — «Перед атакой» Владимира Юрсова — по сути тоже посвящено вере в торжество жизни:

Если меня сейчас убьют —
Атака привстала, ракетой выгнув шею, —
Последним желаньем последних минут
Что на земле пожелаю?

Вас, небеса, под которыми я не лежал,
Вас, города, которых еще не видел,
Вас, народы, говора которых не слышал,
Звери, которых еще не ласкал,
Цветы, которых не целовал,
Вас, книги, еще не прочитанные,
Книги, еще не написанные,
Вас, о женщины, которых любить не успел!

Но больше всего пожелаю
О милой старой Земле,
Которая станет такой прекрасной
После другой, последней войны²⁴.

²³ Там же. С. 134.

²⁴ Там же. С. 719.

Сказанное в полной мере относится к стихотворению (некоторые критики называют маленькой поэмой) Ольги Анстей «Кирилловские яры»²⁵, задолго до Е. Евтушенко рассказавшей о трагедии Бабьего Яра (другое название Кирилловских яров).

В четырех частях стихотворения нарастает количество строк (в первой части — 10, во второй — 11, в третьей — 12, в последней, четвертой, — 18) и вместе с ними тревога и боль. В первой и второй частях «тоненькая девочка», «смуглая дриада» идет в «приволье» по «влажной тропинке», по «теплым зарослям», сопровождаемая «дождинками» и «первыми звездами». «Ясный полудень», разливающаяся «терпкость» полыни, чебрика, шмель, осознаваемый «желанным крохотным братом» и, наконец, «синяя в яр наплывала теплынь.../ Пригоршнями стекала окрест/ В душистое из душистых мест». Эти описания в равной степени можно считать и воспоминаниями лирической героини, и проекцией сознания еврейской девушки, вдовой по родным местам на гибель.

Идиллическая картина прерывается описанием кладбища, мимо которого идет рассказчица (и, быть может, всё та же убитая девушка, на что намекает строка, что движется она «из притихшего милого дома»), упоминанием ангела смерти Азраила и три раза повторяющейся оценкой места конечного пути:

Страшное место из страшных мест!

Страшный коричневый скорченный крест!

Характерно, что и все стихотворение завершится этими же словами («Страшное место из страшных мест»), контрастными по отношению к картине «ликующей дремотно природы» первых двух глав, предваряемых величественными и трагическими библейскими образами: «чаша последняя» (чаша страданий), «роковой народ», «Голгофа, подножье креста», старики названы «старцами», похожими на «величавого Авраама», а дети похожи на вифлеемских младенцев. Характерно, что трагедию киевских евреев поэтесса связывает как с иудейскими, так и с христианскими образами, многократно упоминаемая крест.

²⁵ Там же. С. 114–115.

Особо интересен вопрос об изображении немцев и русских, в силу тех или иных причин с ними сотрудничающих. Наиболее полно эта тема освещается в романе Л. Ржевского «Между двух звезд».

Присутствует она и в рассказах Бориса Филиппова (1905–1991), мучительно рефлексировавшего по поводу своего сотрудничества с оккупантами (см. об этом ст. Б. Н. Ковалева в наст. сб.). Речь идет о двух ранних рассказах писателя из книги «Кресты и перекрестки».

Уже в одном из первых рассказов «Духовая капелла Курта Перцеля» (1946) показана более чем сложная картина войны, созданы неоднозначные характеры немцев, поднята проблема нравственной ответственности каждого человека. Добродушные и даже слегка юмористически нарисованные немецкие оркестранты послевоенной Германии напоминают автору отряд СС, квартировавший в псковской деревне во Вторую мировую войну. «Добродушный баварец Курт Перцель» не только завел себе русскую возлюбленную по имени Любка, но и любил играть с ее сыном, переименованным немцами «из Вовки в Петера». «Перцель носился по избе с Петером на руках, носил его на шее, качал, подбрасывал, подпевая» себе про Лорелею. Люба «жила с ним душа в душу» и даже «носила в себе маленького Вилли или Фрица». Немцы пичкают Вовку-Петера конфетами, вспоминая своих детей. Но это не мешает им же чувствовать себя высшей расой, хладнокровно и равнодушно избивать пленного партизана и затем повесить его. И осуществляет казнь валторнист опереточной группы из Верхней Баварии, «синеглазый плотный мужчина, хорошо и ладно скроенный и достаточно интеллигентный. Он сильно интересовался Россией, читал в немецких переводах «Войну и мир» и романы Мережковского». В финале «добрые немцы» сжигают эту самую деревню, а трудоспособных отправляют в Германию (Курт, правда, предупредил «свою» Любу, и она с сыном бежала). Сцена, натуралистически нарисованная писателем, впечатляет: «Вначале нехотя, с отвращением, приступили солдаты к окружению деревни. ...По мере того, как загорались одна за другой избы — вместе с загнанными в них мужичками, подозрительными или нетрудоспособными, — росли ожесточение и какой-то азарт точного

исполнения приказа. Выволакивали девок, часто своих вчерашних подруг, выхватывали парней и баб — и под конвоем гнали их к грузовикам, а погрузив на пятитонки, везли к теплушкам, чтобы гнать их дальше на Запад. Многих же загоняли прикладами и штыками в горящие дома, били, стреляли и зверели все больше и больше».

Писатель не принимает объяснение, которое в конце рассказа дает войне один из побывавших в русском плену немцев: «Виноват международный империализм. И наш, и советский, и капитал Америки, Англии». Филиппов убежден, что каждый должен нести в себе нравственные понятия. Не случайно среди вакханалии убийств в псковской деревне нашелся «хмурый Ганс Герман», сознательно «не заметивший, когда у него из-под носа ушли какой-то статный парень со ссадиной на лбу и молодайка с девчонкой-двухлеткой на руках»²⁶.

Замечу, что столь же многогранное изображение немцев на войне присутствует практически во всех романах Ю. Слепухина.

Мысль о нравственной ответственности каждого человека столь важна для Филиппова, что он повторил ситуацию с казнью в рассказе «Gott mit uns»: в то время как «интеллигентный» доктор философии Хельмут Гальске и примитивный унтер-офицер Клаус Штейнхейм соревнуются за право повесить несчастного военнопленного, укравшего с немецкого склада немного продуктов, чтобы не умереть с голоду, и, наконец, оба получают это право, их коллеги: кадровый офицер фон Шлиппе и переводчик — немец Бергфельд, всю жизнь проведенный в России, называют палачей сволочами и решают не подавать им руки, хотя бы этим выражая свое презрение.

Творческая удача писателя — сложная фигура Эльмара Мортимеровича Бергфельда, офицера царской армии, в свое время отказавшегося эмигрировать. Ему в уста вложил Филиппов русскую мысль о долге интеллигента быть с народом (то, что Бергфельд — немец, для автора абсолютно несущественно: в рассказах Филиппова не раз приводится евангельское «нести еллина, ни иудея»). «Я остался страдать и радоваться, умирать и воскресать со своим родным народом, на своей родной земле... Я скитался по самым глухим углам

²⁶ Агеносов В. Восставшие из небытия... С. 650–658.

родины, скрывался под чужим именем, жил как затравленный волк. И мы, советские, не допустим, чтобы нас пришли учить те, кто в это самое время спокойно отсиживался в относительном благополучии»²⁷, — бросает Бергфельд эмигранту Ключаренко, вернувшемуся в Россию с испанскими частями.

Впрочем, однозначность и здесь чужда писателю. Ключаренко не только извиняется перед стариком, но и рассказывает, что и его жизнь «не была так отрадна и легка. Мне так и не удалось закончить университет. Работал полотором, электромонтером, маляром. ...Я был всегда “грязным иностранцем”».

Писатель настойчиво проводит мысль, что самые бесчеловечные догмы фашизма или коммунизма не могли развратить русский народ. Тот же Ключаренко, на чьих глазах были расстреляны красными отец и дядя, сохранил любовь к родине и сумел увидеть и оценить жизнестойкость и патриотизм русских людей. «Мне казалось, — рассказывает он, — что все мужики должны быть какими-то особенными, насквозь озверелыми большевиками или сплошными мучениками. ...И вдруг люди как люди: веселые, радушные, простые... И еще: встреча с первыми пленными. ...Первый, с кем я разговаривал, был молодой парень, из рабочих, видать, коммунист. И — мне стыдно вам признаться, господа, — мне было трудно отвечать ему: выходило так, что не я его, а он меня допрашивает, а я оправдываюсь: — «Да не против России мы пошли, поймите вы», — кричу я ему. А сам думаю: — а ну, как он прав? А что если, действительно, против родины? А?»²⁸

Проблема совместимости войны и нравственности поднята и в рассказе Сергея Максимова (1916–1991) «Темный лес»²⁹. Автор берет в качестве сюжета драматичнейшую ситуацию. Бывший студент Ириков, ставший лейтенантом и партизанским разведчиком, по дороге на диверсионное задание вместе с бывшим бандитом Васькой Тузом берет в плен немецкую девушку-медсестру. Отпустить ее нельзя (ситуация, почти в точности повторяющая эпизод из «Звезды» Эм. Казакевича). Командир приказывает Ваське расстрелять пленную,

²⁷ Филиппов Б. Сквозь тучи. Вашингтон, 1960. С. 70.

²⁸ Там же. С. 60–61.

²⁹ См.: Максимов С. Голубое молчание. Нью-Йорк, 1952. С.14–28.

но тот решил перед этим воспользоваться девушкой. И Ириков, невесту которого изнасиловали и убили немцы, не прощает этой подлости и убивает негодяя.

Финал рассказа выводит его из нравственной ситуации в экзистенциальную: война как трагедия человеческого бытия: «Жизнь как темный лес». Над всем происходящим — вечность: «Лес, лес, лес» и луна — «безразличная и чужая, безмерно далекая»³⁰.

Резюме: Тема Второй мировой войны нашла наиболее эпическое отражение в романистике Л. Ржевского, Б. Ширяева, М. Соловьева и Ю. Слепухина.

Значительная часть писателей Ди-Пи и послевоенной эмиграции обратилась к теме войны в стихах и прозаических произведениях малых жанров.

Можно выделить ряд аспектов изображения войны: эмигрант и советский человек; русский национальный характер в условиях войны; ситуация «между двух звезд», характерная больше для романистики, но встречающаяся и в малых жанрах.

Война понимается писателями эмиграции как экзистенциальная катастрофа. Это мировосприятие у старших эмигрантов–ди-пийцев сохраняется на протяжении всего их дальнейшего творчества; у младшего поколения с годами изживается.

Изображение немцев в творчестве писателей-эмигрантов послевоенного поколения отличается диалектическим подходом, который в советской литературе появится только в 60-е годы.

Аннотация: Тема Второй мировой войны наиболее эпично отражена в романах Л. Ржевского, Б. Ширяева, М. Соловьева и Ю. Слепухина.

Примерно половина известных писателей Ди-Пи и послевоенной эмиграции обратилась к теме войны в стихах и прозаических произведениях малых жанров.

Можно выделить ряд аспектов изображения войны: эмигрант и советский человек; русский национальный характер в условиях войны;

³⁰ Там же. С. 28.

ситуация «между двух звезд», в большей степени характерная для романистики, но встречающаяся и в малых жанрах.

Война понимается писателями эмиграции как экзистенциальная катастрофа. Это мировосприятие у старших эмигрантов-дипийцев сохраняется на протяжении всего их дальнейшего творчества, у младшего поколения — с годами изживается.

Изображение немцев в творчестве писателей-эмигрантов послевоенного поколения отличается многогранным и диалектическим подходом, который в советской литературе появился лишь в 1960-е годы.

Summary: The epic representation of World War II in the prose works of L. Rzhevskii, B. Shiriaiev, M. Solov'iov and Ju. Slepukhin is described and analyzed in this article. The majority of Russian emigrant writers, who belong to the postwar diaspora, depicted and discussed various aspects of World War II in their poetry and minor prose genres.

The war themes and images in the literary works of Russian émigré poets and writers should be divided by the following: exiles and the Soviet people; the Russian national character and World War II; the so called 'Between the two stars' situation (according to the title of L. Rzhevskii's novel), etc. Many of these writers represented World War II as an existential catastrophe. This attitude towards the war was maintained by the older generation of DP writers in their subsequent work; the younger generation overcame it during the course of their lives. The images of Germans in the creative works of the émigré writers of the postwar generation are multifaceted and dialectical, unknown in Soviet literature until the 1960's.

Ключевые слова: Вторая мировая война, писатели Ди-Пи и послевоенной эмиграции, война в художественном творчестве, изображение немцев.

Keywords: World War II, DP and postwar émigré writers, World War II in creative writing, depicting of Germans.